

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
« ____ » ____ 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Политика Китая в Центральной Азии в XXI веке (на примере Афганистана)

Руководитель

профессор, д.и.н

Е.В. Мороз

инициалы, фамилия

Выпускник

должность, ученая степень

Д.Н. Романов

инициалы, фамилия

Красноярск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. Афганистан как центр реализации геополитических интересов КНР в Центральной Азии.....	6
 1.1 История формирования межгосударственных отношений КНР и Афганистана.....	6
 1.2 Геополитические интересы КНР в Афганистане и странах Центральной Азии.	10
2. Влияние международных факторов на курс внешней политики Китая в Афганистане и Центральной Азии.....	17
 2.1 Участие третьих стран в международном сотрудничестве КНР и Афганистана.....	17
 2.2 Геополитическое значение афгано-китайских отношений: перспективы и вызовы развития международного сотрудничества между Афганистаном и КНР в Центральной Азии.....	32
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	40
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	45

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования заключается как во всём большей вовлечённости КНР в политику региона Центральной Азии по причине увеличения политического и экономического потенциала Китая, намерений КНР утвердиться в роли региональной державы и укрепить свои политические позиции на международной арене. Уход вооружённых сил США из Афганистана открыл для КНР новые возможности для построения сотрудничества с Афганистаном на новом уровне, что, в свою очередь, имеет потенциал оказать влияние на политическую и стратегическую обстановку как в регионе Центральной Азии, так и за его пределами.

Степень изученности темы.

Афганистан уже долгое время находится в центре внимание международной научной общественности – и политика Китая в регионе Центральной Азии, равно как и афгано-китайские международное отношения, обозревались как отечественными, так и иностранными специалистами-востоковедами и специалистами по современному Афганистану. В данной научно-исследовательской дипломной работе использовались работы следующих авторов: Р. Д. Дауров, А. Ю. Умнов, А.А. Гурьев и др. Проанализировать же новейшие изменения в политической обстановке Афганистана и региона Центральной Азии представляется возможным благодаря новостным источникам.

Целью дипломной работы является исследование политики Китая в Центральной Азии на примере афгано-китайского межгосударственного взаимодействия.

Задачи исследования:

1) Изучить историю формирования афгано-китайских межгосударственных отношений для выявления причинно-следственных связей и исторических предпосылок для текущей политики Китая в отношении

Афганистана;

2) Проанализировать основные геополитические интересы КНР в Афганистане и странах региона Центральной Азии;

3) Рассмотреть факторы влияния третьих стран на межгосударственное сотрудничество КНР и Афганистана;

4) Определить геополитическое значение афгано-китайского межгосударственного сотрудничества;

5) На основе проанализированных данных выявить перспективы развития взаимодействия между КНР и Афганистаном и их значение для региона Центральной Азии.

Объектом исследования является курс внешней политики Китая в Центральной Азии на примере Афганистана.

Предметом исследования является влияние интеграционных и инвестиционных проектов Китая на экономический и политический аспект афгано-китайского межгосударственного взаимодействия.

Методы исследования данной выпускной квалификационной работе включают в себя как теоретические, так и эмпирические методы для комплексного изучения динамики развития и современного состояния афгано-китайских межгосударственных отношений. Также был использован метод описания. Для выполнения поставленных в работе задач использовались исторический метод, позволяющий проанализировать афгано-китайские межгосударственные отношения с учётом исторического контекста, а также общенаучные теоретические методы: метод обобщения, отбора, анализа, синтеза и оценки научных материалов и содержания информационных ресурсов. Совокупность данных методов позволила подробно изучить тему выпускной квалификационной работы, выполнить поставленные в научной-исследовательской работе задачи и достигнуть цели исследования.

Научная новизна работы заключается в анализе данных, предоставляемых информационными источниками для выявления последних изменений в афгано-китайских отношениях и факторов, влияющих на них,

которые ранее не были выявлены научными работами, использованными в данной научно-исследовательской дипломной работе.

Практическая значимость работы заключается в том, что проведённое исследование позволяет рассмотреть политическую обстановку в Афганистане после значительных политических изменений и значение этих изменений для региона Центральной Азии, выявить основные направления внешней политики КНР в данном регионе на примере Афганистана, а также определить основные проблемы и перспективы афгано-китайского межгосударственного взаимодействия.

Структура работы состоит из введения, двух глав выпускной квалификационной работы, заключения и списка использованных источников.

В первой главе выпускной квалификационной работы рассматривается история развития межгосударственных отношений КНР и Афганистана на современном историческом этапе, а также геополитические интересы КНР в Афганистане и Центральной Азии с анализом нормативно-правовой базы взаимодействия КНР и Афганистана.

Во второй главе подробно рассматриваются геополитические интересы третьих сторон в Центральной Азии, их заинтересованность во взаимодействии с Афганистаном и фактор влияния такого взаимодействия на афгано-китайские межгосударственные отношения. Также проведён анализ геополитического значения межгосударственного взаимодействия между КНР и Афганистаном, а также перспектив данного взаимодействия для региона Центральной Азии.

1. Афганистан как центр реализации геополитических интересов КНР в Центральной Азии.

1.1 История формирования межгосударственных отношений КНР и Афганистана.

Хотя Королевство Афганистан было одним из первых государств, которое признало новообразованную в 1949 г. Китайскую Народную Республику уже в 1950 г., дипломатические отношения между Афганистаном и Китаем были установлены только спустя пять лет – 20 января 1955 года, когда в Пекин был направлен посол Королевства Афганистан Абдул Самад [36].

В дальнейшем афгано-китайские отношения укреплялись – в январе 1957 г. премьер-министр КНР Чжоу Эньлай и вице-премьер-министр КНР Хэ Лун посетили Королевство Афганистан для встречи с королём Афганистана Мухаммедом Захиром-шахом. Данный визит послужил основой для дальнейшего развития сотрудничества между Афганистаном и Китаем и создания нормативно-правовой базы для межгосударственного взаимодействия. В частности, в 1960 году КНР и Афганистаном был подписан Договор о дружбе и нейтралитете, носящий неофициальное название «Новый Шёлковый путь» [45, с. 213], а в ноябре 1963 г. был подписан Договор о границе между Китайской Народной Республикой и Королевством Афганистан [7].

С Апрельской революции в Афганистане 27 апреля 1978 г. и прихода к власти в Афганистане лояльной по отношению к СССР политической силы в виде «Народно-демократической партии Афганистана» международные отношения между КНР и Афганистаном значительно ухудшились. Главным образом это объяснялось тем, что КНР рассматривала приход власти «Народно-демократической партии Афганистана» как расширение влияния СССР в Центральной Азии и, на фоне нараставших между КНР и СССР идеологических противоречий и пограничного конфликта между СССР и КНР на о. Даманский в 1969 г., как прямую угрозу КНР. После Апрельской революции в

Афганистане и до начала XXI века политическое присутствие КНР в Афганистане было незначительным.

Переломным моментом в истории афгано-китайских отношений стало отстранение от власти в Афганистане движения «Талибан» (запрещено в РФ) в 2001 году в ходе военной операции США – после этого афгано-китайские отношения были восстановлены и в значительной мере укреплены – в первую очередь по причине готовности Китая предоставить экономическую помощь Афганистану.

Уже в декабре 2001 года КНР направила в Афганистан рабочую группу Министерства иностранных дел КНР, посетившую церемонию учреждения переходного правительства Афганистана и направившая свои поздравления президенту Афганистана Хамиду Карзай.

В январе 2002 года уже Хамид Карзай прибыл с визитом в Китай для встречи с президентом Китая Цзяном Цзэминем и премьер-министром Китая Чжу Жунцзи. В ходе встречи было достигнуто соглашение о предоставлении Афганистану Китаем финансовой помощи в виде тридцати миллионов китайских юаней и одного миллиона долларов наличными. Данные финансы были доставлены в Кабул уже в марте того же года.

В 2002-2003 гг. были подписаны первые международные соглашения, составлявшие нормативно-правовую базу афгано-китайских отношений. В декабре 2002 г. по инициативе Китая Афганистан, а также шесть граничащих с Афганистаном стран, а именно Иран, Пакистан, КНР, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан подписали Декларацию о добрососедских отношениях [13].

В феврале 2003 г. вице-президент переходного правительства Афганистана Нематулла Шархрани прибыл в Китай с рабочим визитом. В ходе визита были проведены переговоры с вице-президентом Китая Цзеном Цинхуном. Итогом переговоров стало подписание Договора об экономическом и техническом сотрудничестве [20], по условиям которого Китай выделил пятнадцать миллионов долларов Афганистану для восстановления

инфраструктуры и стабилизации экономики.

В дальнейшем динамика развития афгано-китайских соглашений оставалась положительной – уже шестого февраля 2006 г. посольство Китая в Кабуле было вновь открыто.

В то же время, с увеличением политического и экономического влияния КНР в регионе Центральной Азии, Китай стал играть всё большую роль в поддержании экономической стабильности в Афганистане и политической – в регионе Центральной Азии [49].

Так, с 2017 г. Китаем, в частности, Министром иностранных дел Китая Ван И было инициировано посредничество между Пакистаном и Афганистаном в попытках снизить конфликтный потенциал между двумя этими странами и урегулировать взаимные обвинения в обстрелах территории другого государства [21]. По итогам трёхсторонних переговоров в Афганистане была образована рабочая группа Шанхайской организации сотрудничества. Также, в ходе переговоров Ван И отметил важность включения Афганистана в «Китайско-пакистанский экономический коридор» как наиболее эффективный путь экономической интеграции Афганистана [22]. Для афгано-китайских межгосударственных связей включение Афганистана в «Китайско-пакистанский экономический коридор», равно как и инициирование Китаем трёхсторонних переговоров для снижения международной напряжённости в регионе, безусловно, несёт положительный эффект – и, помимо возможности дальнейшего развития афгано-китайского межгосударственного взаимодействия за счёт большей региональной интеграции Афганистана на политическом и экономическом уровне, для Китая это также означает более лёгкую реализацию пакистано-афганских международных энергетических и транспортных проектов «Китайско-пакистанского экономического коридора» в силу снижения влияния афганского дестабилизирующего фактора, который был рассмотрен в начной работе кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института Востоковедения Российской Академии Наук Р.Д. Даурова «Китайско-пакистанский экономический коридор и фактор

нестабильности Афганистана» [46]. Под «фактором нестабильности Афганистана» Р. Д. Дауров рассматривает как политico-социальную нестабильность внутри самого Афганистана, так и возможную неоднозначную реакцию населения Афганистана, особенно – кочевых племён пуштунов, проживающих в южных провинциях страны, которые могут расценить включение Афганистана в «Китайско-пакистанский экономический коридор» как угрозу Афганистану и приступить к ведению диверсионной и террористической деятельности.

После ухода вооружённых сил США из Афганистана в 2021 г. и приходу к власти движения «Талибан» (запрещено в РФ), Китай проявил некоторую гибкость политики в отношении Афганистана – в частности, заявив о готовности к сотрудничеству с новым правительством, даже с учётом некоторой озабоченности КНР возможной поддержкой «Талибаном» (запрещено в РФ) повстанческих формирований в Синьцзяно-Уйгурском автономном регионе КНР, выдвинув при этом условие, что «Талибан» (запрещено в РФ) сместит уйгурские сепаратистские формирования с Афганской стороны афгано-китайской границы и сведёт к минимуму любые контакты «Талибана» (запрещено в РФ) с сепаратистами [3].

По состоянию на 2022 год, тенденции в развитии афгано-китайских отношений остаются неизменными: преобладают активное инвестирование в экономику Афганистана – главным образом, в транспортную инфраструктуру в рамках проекта инициативы «Один пояс – один путь», а также развитие добывающей промышленности топливно-энергетических ресурсов страны [44] и инициирование Китаем «челночной дипломатии», направленной на урегулирование межгосударственной напряжённости и усиление международного сотрудничества Афганистана с другими странами Центральной Азии [49].

1.2 Геополитические интересы КНР в Афганистане и странах Центральной Азии.

Прежде чем приступать к анализу геополитических интересов КНР в Афганистане, стоит отметить, что сам термин «геополитика», как и «геополитический интерес», имеет неоднозначный характер и трактуется различными авторами по-разному.

Хотя представления о geopolitike, равно как и понятия geopolitических и национальных интересов начали формироваться ещё на этапе древней истории, сам термин «геополитика» впервые появился в научной работе шведского социолога и политолога Рудольфа Челлена «Государство как форма жизни» в 1916 г. [23, с 319.]. В данной монографии Р. Челлен рассматривает государство как некий организм, борьба за существование которого выражается, в первую очередь, в стремлении к росту и власти.

В научной литературе существует множество других определений термину «геополитика». Так, российский политолог А.В. Маринченко рассматривает geopolitiku как сферу деятельности науки, которая изучает закономерности и основополагающие факторы развития политических стран и регионов, влияния на данное развитие демографических, информационных, военных, коммуникационных, религиозных, этнических и других движущих сил [10, с. 8].

Помимо этого, существует определение доктора исторических наук Андрея Пасса, который в своей научной работе «Понятия и категории geopolitiki» [17, с. 312] рассматривает geopolitiku как систему знаний о контроле над территорией, акваторией, аэроторией и космическим пространством в контексте соблюдения и защиты интересов отдельного государства или объединения государств. В своей научной работе А. Пасс основывает свою трактовку термина «геополитика» на факте, что политические, экономические и прочие процессы локализованы в пространстве и протекают на географической карте мира.

Одним же из наиболее новых и актуальных для текущей научной парадигмы является определение геополитики, данное в политологическом словаре за авторством Духиной Т.Н. и Болотовой Т.П. [18, с. 10]. Согласно определению в словаре, геополитика – это теория и политическая практика, в основе которых лежит, как уже упоминалась в работе А. Пасса, географическая обусловленность отношений между государствами, а также негосударственными участниками и субъектами международных отношений [17, с. 312]. На современном этапе истории геополитика, в соответствии со словарём, является дисциплиной, изучающей отношения между акторами и субъектами международных отношений в контексте распределения и перераспределения мирового пространства и ресурсов. Геополитика также служит одним из обоснований внешней и внутренней политики государств.

Наиболее верным и актуальным на сегодняшний день определением является, по моему мнению, определение из политологического словаря за авторством Духиной Т.Н. и Болотовой Т.П. [18, с 10]. В отличие от определений, данных в работах А. Маринченко [10, с. 8] и А. Пасса [17, с. 312], трактовка в политологическом словаре предусматривает воздействие на различные геополитические процессы негосударственных акторов, тогда как в уже упомянутых работах внимание акцентируется именно на внешнем курсе политики государств как одном из основных элементов геополитики. Принцип же локализации геополитических процессов в географическом пространстве, представленный в работе А. Пасса [17, с. 312] в некотором роде утратил свою актуальность из-за всё большего воздействия глобализации на мировую политику, тогда как в современной парадигме международных отношений геополитика является соперничеством на мировой арене крупных государственных и негосударственных акторов, которые, действуя в своих геополитических интересах в рамках курса своей внешней политики, предпринимают попытки управления как глобальными, так и региональными политическими процессами и ресурсными потоками.

С помощью выявления геополитических целей и интересов конкретных

государств можно выявить и подвергнуть анализу тактические и геостратегические цели данных государств, причём как во внутренней политике, так и во внешнеполитическом курсе отдельного государства – и на региональном, и на глобальном этапах. В выявлении и анализе geopolитических также стоит учитывать и историю формирования международных отношений, анализ которой был проведён в первой части главы.

В силу своего географического положения, Афганистан, находясь на перекрестке торговых и миграционных путей, является центром столкновений как региональных, так и глобальных geopolитических интересов крупных акторов, гранича с Ираном на западе, с Пакистаном на юге, Туркменистаном и Таджикистаном на севере, и, в самой восточной части страны – с Китаем.

Афганский фактор имеет огромное значение для как для региональной безопасности Центральной Азии, так и для каждого государства Центральной Азии в частности.

Для Китая, как для государства, обладающего значительным политическим, экономическим и военным потенциалом, равно как и для государства, географически близко расположенному к Центральной Азии, Афганистан представляет особый интерес.

Поэтапное развитие двустороннего сотрудничества, а также перспективы экономической интеграции в рамках деятельности Шанхайской организации сотрудничества открывает огромный потенциал для развития афгано-китайских межгосударственных связей, и, следовательно, потенциал для реализации geopolитических интересов Китая – несмотря на слабую экономику Афганистана, страна обладает залежами полезных ископаемых и топливно-энергетическими запасами, в которых заинтересован Китай. Мотивы Афганистана в стремлении с развитием межгосударственного сотрудничества с КНР тоже понятны – из-за военных действий в стране производственный сектор и инфраструктура государства находятся в упадке, и решение острого вопроса экономического отставания Афганистана возможно только при

масштабных иностранных инвестициях и экономической интеграции для усиления международной торговли. Ещё одним мотивом налаживания двусторонних связей между Афганистаном и КНР является проект инициативы «Один пояс – один путь», реализация целей которого достижимо только при стабилизации социальной и политической обстановки в Афганистане, и, следовательно, в Центральной Азии в целом.

Немаловажным фактором для развития афгано-китайских отношений является и фактор международной безопасности. Во-первых, Китай, активно предпринимающий действия для утверждения себя в качестве региональной державы должен позиционировать себя как гарант безопасности в данном регионе, роль которого ранее исполняли США – для этого необходимо свести к минимуму вероятность социальных и экономических потрясений в Афганистане, которые могли бы привести к политической дестабилизации в стране и, следовательно, в регионе, для чего, в свою очередь, возникает необходимость развития двусторонних связей между Афганистаном и Китаем. Во-вторых, фактор безопасности в той же мере важен и для самого Китая из-за уже упомянутых сепаратистских формирований в Синцзян-Уйгурском автономном регионе, которые, в силу географического расположения Афганистана, имеющего границу с Синцзян-Уйгурским автономным регионом, имеют возможность взаимодействия с другими террористическими группировками на территории Афганистана. Межгосударственное взаимодействие между Афганистаном и Китаем по вопросам безопасности, таким образом, позволяет нейтрализовать прямую угрозу КНР в лице сепаратистских движений

Основной же движущей силой развития афгано-китайских отношений для КНР является их торгово-экономический аспект. Именно экономическое доминирование в регионе Центральной Азии является основным региональным geopolитическим интересом КНР. В частности, речь идёт об экономической интеграции Афганистана в рамках Шанхайской организации сотрудничества и присоединение Афганистана к проекту «Один пояс – один путь». По заявлению

профессора Пекинского педагогического университета, эксперта Центра исследований современного мира при Отделе международных связей Центрального комитета Коммунистической партии Китая Ли Сина, реализация проекта «Один пояс – один путь» «сыграет важную роль в восстановлении Афганистана, его успешной реализации могут оказать содействие многосторонние механизмы ШОС как в области обеспечения безопасности, так и в плане стимулирования экономического роста, инфраструктурного строительства.» [24]. Заместитель главы политического крыла движения «Талибан» (запрещено в РФ) также положительно высказался насчёт китайской инициативы «Один пояс – один путь», назвав проект выгодным афганской стороне, поскольку тот «способствует развитию и процветанию в регионе» [24].

С точки зрения геополитических интересов Китая, реализация упомянутого выше проекта не только укрепит афгано-китайские международные связи, но и позволит усилить торгово-экономическое влияние в регионе Центральной Азии в целом за счёт развития транспортной инфраструктуры, крупных инвестиций в экономику стран-участниц проекта и общей интенсификации международной торговли в регионе. Кроме реализации торгово-экономического аспекта геополитического интереса КНР в Центральной Азии, возведение транспортной инфраструктуры и активное инвестирование в экономики стран Центральной Азии также способствует наращиванию политического влияния КНР в данном регионе за счёт усиления интеграционных процессов, таких как межгосударственное взаимодействие на основе Шанхайской Организации сотрудничества и двусторонних соглашений, заключаемых между Китаем и странами региона Центральной Азии, что является ещё одним геополитическим интересом Китая.

Примером активной инвестиционной политики КНР в отношении экономики Афганистана для реализации региональных геополитических интересов Китая можно считать приобретение КНР права на разработку месторождений меди Айнак в афганской провинции Логар, добывое сырьё из которых, очевидно, задействуется в металлургической промышленности КНР.

В качестве нормативно-правовой базы инвестиционной деятельности КНР между странами в 2016 году был заключен «меморандум о взаимопонимании», по условиям которого около ста миллионов долларов были переданы Афганистану в виде финансовой помощи [33].

Ещё одним инструментом реализации региональных геополитических интересов КНР в Центральной Азии является проект «Железнодорожный коридор Пяти наций», являющийся ответвление проекта инициативы «Один пояс – один путь». В рамках данного проекта предполагается связать пять государств Центральной Азии, а именно Иран, Афганистан, Таджикистан, Кыргызстан и Китай железнодорожными путями. Примечательно, что около половины всей протяжённости планируемой железной дороги пройдёт через северную часть Афганистана.

Реализация подобного проекта выполняет сразу две региональные геополитические задачи, стоящие перед Китаем: во-первых, укрепление двусторонних торгово-экономических связей с Афганистаном и рядом стран Центральной Азии, и во-вторых, более тесная экономическая, и, следовательно, политическая интеграция стран Центральной Азии между собой, что положительно скажется на стабильности региона и безопасности приграничных территорий КНР.

Наконец, развитие двусторонних связей с Афганистаном служит реализации глобального геополитического интереса КНР, а именно реализации стратегии «движения на запад» - увеличения экономического и стратегического влияния Китая в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Афганистан, в силу географического расположения, является центром экономических и миграционных потоков в регионе Центральной Азии, что выгодно отличает Афганистан как некий плацдарм для расширения экономического, политического, военного и стратегического влияния.

Активная инвестиционная политика КНР и готовность создания инфраструктуры на территории стран Центральной Азии за счёт бюджета Китая объясняется наличием идентичных либо схожих интересов других

влиятельных держав, таких как США, Россия и Индия, и активной конкуренцией за закрепление политического, экономического и стратегического присутствия и занятие господствующей позиции данными державами в регионе Центральной Азии.

Подводя итог, можно отметить, что Китай с течением времени от умеренно-нейтральных действий по поддержанию международных связей с Афганистаном, вместе с ростом политического и экономического влияния, перешёл к активному развитию афгано-китайского сотрудничества для реализации своих национальных интересов в регионе Центральной Азии – как на экономическом, так и на политическом уровнях межгосударственного взаимодействия. Для Афганистана же, как для страны с низкими показателями экономики, Китай выступает в роли наиболее перспективного торгового партнёра, укрепление межгосударственных связей с которым позволит привлечь инвестиции для поддержания положительных показателей афганской экономики, а также развить транспортную и энергетическую инфраструктуры в стране.

2. Влияние международных факторов на курс внешней политики Китая в Афганистане и Центральной Азии.

2.1 Участие третьих стран в международном сотрудничестве КНР и Афганистана.

Помимо Китая, в организации межгосударственного взаимодействия с Афганистаном, в силу ресурсного потенциала и уникального географического положения, заинтересованы и другие государства, которые обладают внушительными политическими, силовыми и экономическими ресурсами для реализации своих национальных и стратегических интересов – наиболее активно заинтересованы в воздействии на афгано-китайские отношения следующие государства:

- США;
- Россия;
- Индия;
- Иран;
- Турция;
- Пакистан.

Для определения заинтересованности данных третьих сторон во влиянии на международные отношения между КНР и Афганистаном и, следовательно, во влиянии на различные аспекты политической обстановки в регионе Центральной Азии в целом, необходимо определить их политические, стратегические и национальные интересы.

В «Словаре по политологии» [9, с.19] за авторством профессора, доктора философских наук В.Н. Коновалова термин «национальный интерес» определяется как осознанные потребности государства, определяемые экономическими и geopolитическими отношениями данного государства, культурно-историческими традициями, необходимостью обеспечения

безопасности, защитой населения от внешних угроз и т.д.

Г. Моргентау, один из основателей и основных идеологов школы «политического реализма», в своей монографии «Реалистическая теория международной политики» [12] рассматривал понятие «национальный интерес» как компонент системы «баланса сил», связывая понятие национального интереса с «соответствующей силой», под которой Г. Моргентау подразумевал географическое положение государства, демографические и природные ресурсы, экономический, промышленный и военный потенциалы, качество государственного руководства и дипломатического аппарата, которые определяют вектор и характер внешней политики государства, в то же время тесно связанной, согласно Г. Моргентау, с системой законодательства, которая регулирует внутригосударственную политику.

В научной работе канадского политолога и публициста М.А. Молчанова «Дискуссионные проблемы понятия «национальный интерес» [11, с. 7-22] автор связывает термин «национальный интерес», прежде всего, с экономическим аспектом внешней политики государств, также отмечая, что в условиях усиливающихся процессов глобализации и регионализации рассматриваемые ранее концепции «национального интереса» частично утратили свою актуальность в силу всё большей институционализации и укрепления межнациональных и транснациональных связей, а также появления всё большего количества транснациональных корпораций (ТНК), являющихся негосударственными участниками международных отношений. По мнению М.А. Молчанова, объёмы промышленного производства отдельными ТНК сопоставим с объёмами идентичного производства отдельных среднеразвитых государств, при этом ТНК в своей деятельности руководствуются не национальным интересом, а торговой стратегией. Также М.А. Молчанов связывает уменьшение значимости национального интереса в его традиционном понимании с деятельностью международных политических и политико-экономических структур, в качестве примера рассматривая деятельность Организации Объединённых Наций и осуществляемое под эгидой

этой деятельности вмешательство во внутренние дела суверенных государств на основе отдельных резолюций. При этом М.А. Молчанов отмечает, что наличие коллективной заинтересованности государств не препятствует столкновению национальных интересов отдельных государств в конкурентной сфере, следовательно, не устраняет традиционную трактовку термина «национальный интерес» полностью.

Определение «национального интереса» также дано в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. №400 [22]. В соответствии с пунктом 2 положения 5 данной Стратегии, национальный интерес Российской Федерации – это объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии. Данное определение, на мой взгляд, является наиболее верным и актуальным, так как затрагивает как общественный (преимущественно внутригосударственный), так и политический аспект национальных интересов государства – что, в свою очередь, соотносится с трактовкой «национального интереса» Г. Моргентау, исключая концепцию «баланса сил».

Таким образом, выявляя национальные, стратегические и политические интересы государств, становится возможным выявить причины заинтересованности данных государств во влиянии на международное сотрудничество между КНР и Афганистаном, и на обстановку в Центральной Азии – в целом.

Начать следует с фактора присутствия в Афганистане Соединённых Штатов Америки на влияние на афгано-китайские отношения по причине того, что данное государство около двадцати лет закрепляло своё военно-политическое присутствие в Афганистане с целью реализации своих стратегических и национальных интересов.

Для выявления национальных интересов США в Афганистане и регионе следует проанализировать внутренние нормативно-правовые акты США, которые определяли курс внешней политики данного государства.

Афганистан совместно с Пакистаном, согласно основному стратегическому документу США на момент начала военной операции в Афганистане, а именно Стратегии национальной безопасности от декабря 2000 г., рассматриваются Соединёнными Штатами как цели для предупреждения угроз геополитическим и национальным интересам США, в частности – противодействия экстремистским движениям, представляющим в своём большинстве радикальные исламские группировки, и гарантии ликвидации Афганистана в качестве платформы для террористической активности и центра наркоторговли [26]. При этом основополагающей задачей в документе ставится сохранение лидерства США в глобальной политике с сохранением и поддержанием сотрудничества с союзниками и партнёрами, в первую очередь – со странами-членами НАТО. Для реализации данных целей Стратегией национальной безопасности предусматривалось оказание поддержки местным милитаризированным правоохранительным органам – АНСБ (Афганским национальным силам безопасности) в усилении государственной безопасности Афганистана, борьбе с экстремистским формированием радикального ислама «Аль-Каида» (запрещено в РФ), а также поддержка афганского легитимного правительства и институтов гражданского общества.

Также, в мае 2012 года американской стороной было инициировано подписание соглашения о Стратегическом партнёрстве между США и Афганистаном [38]. Номинально, данный двусторонний договор содержал в себе соглашение об обеспечении безопасности и сотрудничеством между правительствами США и Афганистана для проведения обучения и тренировочных миссий АНСБ совместно с вооружённым контингентом США, размещённом на тот момент в Афганистане. Фактически же, данный документ позволял США легально обеспечить долгосрочное военное присутствие в Афганистане в виде девяти военных баз с общей численностью военного контингента около пятнадцати тысяч человек. Данный фактор военно-политического присутствия позволял США оказывать существенное силовое влияние на регион Центральной Азии с целью реализации своих

стратегических интересов. Иными словами, под предлогом борьбы с международным терроризмом в Афганистане США стремилось закрепиться на стратегическом плацдарме Афганистана, который, в силу своего географического положения, позволяет осуществлять военно-политическое давление на государства Евразии, сдерживать влияние России и Китая в Центральной Азии, а также даёт возможность осуществлять контроль над основными путями транспортировки энергоносителей в Центральной Азии.

Стоит также отметить, что в принятой США позднее Стратегии национальной безопасности США, от 2017 г. [27] Афганистан по-прежнему рассматривался как платформа для контртеррористической деятельности в Центральной Азии и на Ближнем Востоке – что говорило о дальнейших намерениях США по наращиванию военного присутствия в Центральной Азии и сдерживанию влияния своих основных политических оппонентов (России и Китая) в регионе.

После прихода к власти движения «Талибан» (запрещено в РФ) 15 августа 2021 г. и вывода войск США из Афганистана, завершившегося 30 августа [48] США утратили всякое военное и политическое присутствие в Афганистане. Лишившись силовых способов обеспечения реализации своих национальных интересов в Афганистане и Центральной Азии, США, вместе с тем, утратили статус гаранта международной безопасности и стабильности в данном регионе – расформирование АНСБ, которым США ранее оказывали поддержку, и закрытие военных баз США в Афганистане открыло новые перспективы для деятельности террористических организаций и радикальных исламских формирований, что, в свою очередь, является дестабилизирующим фактором для всего региона, что только усиливается тем фактом, что при выводе военного контингента США из Афганистана было оставлено огромное количество образцов вооружения и техники, которые позднее захватили как вооружённые силы «Талибана» (запрещено в РФ), так и отдельные отряды террористических группировок, осуществлявших на тот период свою деятельность на территории Афганистана. Своебразный «экспорт

нестабильности», осуществляемый деятельностью террористических организаций и экспортом наркотиков (главным образом, опия) с территории Афганистана является прямой угрозой как для международного сотрудничества в регионе Центральной Азии, так и угрозой для безопасности отдельных стран в регионе – особенно тех, которые имеют общие границы с Афганистаном, таких как Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Индия и Китай. Также уменьшение присутствия США в Афганистане создало некоторый «вакуум власти» в регионе, представляющем интерес для ряда региональных и мировых ведущих держав – столкновения их интересов также могут привести к дальнейшей дестабилизации региона. Именно предотвращением дальнейшей дестабилизации региона можно объяснить намерения Китая к дальнейшему развитию афгано-китайского межгосударственного взаимодействия.

Вместе с тем, США по-прежнему обладают способами влияния на обстановку в Афганистане и Центральной Азии – с помощью экономического давления на отдельные страны, обеспеченного применением санкций, и с помощью стран-членов НАТО, в первую очередь – Турции.

Вектор же политики Турции в отношении Афганистана с течением времени не претерпел значительных изменений и проводится, в основном, Турцией в качестве государства-члена НАТО. Ранее, после решения парламента Турции о направлении войск в Афганистан бывший на тот период президентом США Дж. Буш сделал заявление о том, что «Турция – заслуживающий доверия верный друг и единственная мусульманская страна, являющаяся членом НАТО» [5]. Сформированный из блоковой ответственности Турции как государство-члена НАТО курс региональной политики не претерпел значительных изменений и в свете вывода вооружённого контингента США из Афганистана, после которого движение «Талибан» (запрещено в РФ) пришло к власти в Афганистане.

При этом сохранение политического присутствия в Афганистане Турцией можно обосновать не только элементом блоковой ответственности Турции как государства-члена НАТО, но также и попытками Турции по реализации своих

собственных национальных интересов – в частности, утверждения Турции в роли региональной державы на конфессиональной основе. Этим же можно объяснить сосредоточение Турции на использовании турецкого военного контингента во время военной операции, инициированной США в Афганистане, в невоенных целях – главным образом, на гуманитарном, материально-техническом содействии и помощи в подготовке военных кадров АНСБ.

Учитывая давние исторические и культурные связи с Афганистаном, Турция в реализации своих национальных интересов по становлению региональным лидером по-прежнему отдаёт предпочтение поставкам гуманитарной помощи в Афганистан [49] и посредничество при дипломатическом взаимодействии между странами региона. Хотя Турция пока и не признало движение «Талибан» (запрещено в РФ) в качестве легитимного правительства Афганистана, делегации талибов уже проводят встречи с представителями Турции по вопросам торговли, социальной сферы и инвестиционной деятельности Турции в отношении Афганистана [50].

Таким образом, даже без военного присутствия, позиции, приобретаемые Турцией в Афганистане и Центральной Азии на сегодняшний день отражают гармонизацию блоковой ответственности Турции как члена НАТО и самостоятельной линии Турции в региональной политике по реализации своих национальных интересов. Для афгано-китайских отношений же, безусловно, оба эти фактора турецкой политики в отношении Афганистана являются негативными, так как действия по соблюдению блоковой ответственности Турции в рамках НАТО способствует продвижению национальных интересов США в Центральной Азии, следовательно, противоречит региональной политике КНР, тогда как собственная линия Турции в региональной политике может привести к столкновению интересов между Турцией и КНР, что, несомненно, отрицательно повлияет на процесс стабилизации региона Центральной Азии.

Однако вовлечение США Турции в афганский конфликт, и, позднее, в

обеспечение реализации блоковой политики НАТО в регионе Центральной Азии можно связать не только с соображениями безопасности, но и со стремлением США ограничить присутствие Китая в Афганистане. Вместе с тем, привлечение Турции в регион Центральной Азии можно объяснить не только сдерживанием Китая, но и Ирана, внешняя политика которого тоже имеет потенциал оказать значительное влияние на афгано-китайские отношения.

Устойчивые политические позиции Ирана на Ближнем Востоке, а также в Центральной Азии можно объяснить двумя элементами «мягкой силы» во внешней политике Ирана: это общины мусульман шиитского толка в абсолютном большинстве стран с мусульманским населением в данных регионах и приоритет Ирана в региональной внешней политике на диаспоральное влияние и сетевую структуру данных диаспор мусульман шиитского толка [15].

Одним из основополагающих доктринальных документов Ирана, которые определяют вектор внешней политики республики, можно считать План развития Исламской Республики Иран до 2025 г. [47]. Данный документ, принятый в 2005 г., постулирует одним из основных принципов внешнеполитического курса Ирана сотрудничество со странами по конфессиональному признаку – с населением, исповедующим шиитский ислам, при этом особый приоритет отдаётся развитию межгосударственных отношений с Афганистаном и Ираком в качестве стран, имеющих давние исторические, культурные и конфессиональные связи с Ираном. С фактором этнической идентичности в качестве базового компонента региональной политики, Иран оказывает существенное влияние на развитие образовательной и культурной сферы в регионе – другими словами, оказывая влияние с помощью инструмента «мягкой силы». Данный фактор невыгодно отличается для развитие афгано-китайских международных отношений, так как, помимо сильно выраженного экономического аспекта, обусловленного необходимостью Афганистана привлечь иностранные инвестиции для поддержания отстающей

экономики, у Афганистана и Китая нет культурных, этнических либо конфессиональных точек соприкосновения.

Наличие такого органа, как Штаб по афганским вопросам в структуре Министерства иностранных дел Ирана в той же мере говорит о наличии у Ирана стратегии с долгосрочными перспективами по афганскому направлению. В состав данного Штаба входят представители Верховного правительства Ирана, Высшего совета национальной безопасности, Корпуса стражей исламской революции (КСИР), Министерства экономики и финансов и Министерства внутренних дел Ирана. Целью данной структуры является определение стратегии взаимодействия на афганском внешнеполитическом направлении. Главными же из решаемых задач Штаба являются содействие афганскому построению власти и помочь в создании эффективного аппарата власти.

16 августа 2021 г. президент Ирана Ибрахим Раиси в своём выступлении отметил, что «военное поражение США в Афганистане позволит вновь установить в Афганистане мир и стабильность» [28], что обозначает сохраняющуюся готовность Ирана к межгосударственному взаимодействию с Афганистаном даже после прихода к власти движения «Талибан» (запрещено в РФ).

Вместе с тем, иранский фактор имеет потенциал негативного влияния на афгано-китайское взаимодействие, так как Китай, в отличие от Ирана, не имеет глубоких исторических, культурных и конфессиональных связей с Афганистаном, и межгосударственное сотрудничество проходит, в основном, в экономическом аспекте. Данный факт в будущем может привести к смещению приоритетов текущего правительства Афганистана в построении связей для межгосударственного взаимодействия, в чём, очевидно, Китай не заинтересован.

Курс внешней политики Пакистана в отношении Афганистана схож с иранским – основным приоритетом внешнеполитической деятельности Пакистана является принцип взаимодействия с государствами по

конфессиональному признаку, то есть с государствами, чьё население исповедует ислам. Данный принцип закреплён в ст. 40 Конституции Исламской Республики Пакистан [40]. Во влиянии же на афгано-китайские отношения, в перспективе, Пакистан не окажет значительного влияния – как в силу экономических показателей страны, недостаточных для смены приоритетов Афганистана с экономического сотрудничества с КНР на таковое с Пакистаном, так и в силу гармонизации интересов КНР и Пакистана в регионе, которая прослеживается в совместных мерах КНР и Пакистана по ограничению присутствия Индии в регионе Центральной Азии [37].

Индия же, являясь основным политическим оппонентом Китая в вопросах реализации национальных интересов в регионе Центральной Азии, имеет схожие с Турцией и КНР элементы политической стратегии по укреплению своих позиций в регионе Центральной Азии, которые, также как и деятельность Турции, противоречат развитию афгано-китайских отношений.

По сей день укрепляющиеся политические связи Индии и США, которые ранее (до смены власти в Афганистане и ухода вооружённых сил США в 2021 г.) проводили многочисленные консультации по вопросам безопасности в Афганистане в формате встреч представителей внешнеполитических ведомств по вопросам борьбы с терроризмом, трёхстороннего сотрудничества в областях торговли, сельского хозяйства, энергетики, здравоохранения и образования, являются основным источником вызовов для реализации КНР своих национальных и стратегических интересов в регионе. Активная политическая деятельность США по укреплению межгосударственных связей с Индией и заинтересованность Соединённых Штатов в происходившее прежде межгосударственное сотрудничество между Индией и Афганистаном объясняется, во-первых, стремлением опосредованно вернуть себе контроль над Афганистаном и регионом Центральной Азии, и, во-вторых, намерением США сделать из Индии некоторый «противовес» Китаю, активно проводящему политическую и экономическую экспансию в регионе – в том числе, в контексте развития афгано-китайских межгосударственных отношений [16].

Однако, со сменой власти в Афганистане в августе 2021 г., Индия, ранее активно выступавшая против движения «Талибан» (запрещено в РФ), утратила всякое присутствие в Афганистане – посольство Индии в Кабуле было эвакуировано 17 августа 2021 года [43], и, на сегодняшний день, единственными методами взаимодействия Индии и Афганистана являются приём афганских беженцев по упрощённой визовой системе и поставки гуманитарной помощи Индией в рамках деятельности Всемирной Организации Здравоохранения [42].

Учитывая недавние столкновения вооружённых сил Индии и Китая на границе [19], а также проамериканский вектор политики Индии в Центральной Азии, можно прийти к выводу, что потеря позиций Индии в Центральной Азии крайне выгодна для КНР – как в контексте укрепления Китая в качестве региональной державы, так и для уменьшения роста влияния Индии как основного политического конкурента КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Наконец, для России, равно как и для Китая, Афганистан как страна Центральной Азии представляет ценность с точки зрения возможности прохождения стратегически важных коммуникаций, равно как и в силу внушительного энергоресурсного потенциала.

У России имеется серьёзный потенциал для реализации своих интересов в регионе Центральной Азии. Во-первых, России принадлежит центральное место в международной структуре, обеспечивающей региональную безопасность – в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), куда, помимо самой России, входят Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Во-вторых, Россия, наравне с Китаем, занимает лидерские позиции в Шанхайской Организации сотрудничества. В-третьих, Россия также занимает наиболее влиятельную позицию в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС).

Роль России в поддержании безопасности в Центральной Азии растет ввиду необходимости противодействия наркотрафику, радикализации ислама и угрозе роста нестабильности в Афганистане. Данные факторы сохраняют

актуальность военно-политической стратегии в региональной политике, а сам регион Центральной Азии рассматривается, согласно Стратегии национальной безопасности [34], в качестве важного стратегического буфера, ограждающего Россию от внешних вызовов и угроз. Реальная оценка данных вызовов и угроз побуждает Россию к более активному подходу в формировании курса региональной политики, нацеленную на обеспечение безопасности в регионе Центральной Азии и предотвращения дестабилизации из-за кризисной обстановки в Афганистане. Внешним проявлением военного компонента региональной политики России являются военные базы РФ и ОДКБ в Таджикистане и Киргизии и регулярные совместные боевые учения с вооружёнными силами стран-членов ОДКБ.

В подписанном главами государств КНР и Российской Федерации Совместном заявлении к двадцатилетию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 28 июня 2021 г. отмечалось: «Руководствуясь Договором, Россия и Китай сформировали модель межгосударственных отношений нового типа, отвечающую коренным национальным интересам двух стран и чаяниям их народов, а также играющую важную роль в продвижении многополярного миропорядка, обеспечении международной и региональной безопасности и стабильности» [33]. Примечательно также, что в упомянутой ранее Стратегии национальной безопасности Российской Федерации специально оговорено, что Россию с Китаем связывают отношения «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» [22].

Данная информация говорит о сопряжении интересов России и Китая в регионе, которое только усиливалось на фоне всё более обширного процесса милитаризации политики США в регионе с целью сдерживания России и Китая. Внешние вызовы в регионе, которым совместно противостоят Россия и КНР, генерируются преимущественно США.

Подтверждает непринятие Россией возможности возобновления военного присутствия США в регионе Центральной Азии после вывода вооружённого

контингента США из Афганистана и высказывание Министра иностранных дел С.В. Лаврова. Министр иностранных дел России С.В. Лавров на совместной пресс-конференции с Министром внешнеэкономических связей и иностранных дел Венгрии П. Сиярто отметил, что для входящих в ОДКБ России и трёх остальных государств Центральной Азии, которые являются членами ОДКБ (Казахстана, Киргизии и Таджикистана) регион – это «общее пространство безопасности», предполагающее «согласие всех союзников по вопросам размещения иностранных вооружённых сил на их территории». Для них, также как для Узбекистана и Туркменистана, которые не входят в ОДКБ, разместить на своей территории американский военный контингент, «прямо продекларировавших цель держать под прицелом Афганистан и при необходимости бомбить его – это значит мгновенно превратить себя в мишень» [4].

Таким образом, Китай и Россия эффективно гармонизируют свои региональные стратегии по обеспечению региональной безопасности и реализации своих национальных интересов в рамках региональной политики, в том числе – по афганскому направлению.

В условиях ухода США и НАТО из Афганистана Европейский союз тоже предпринимает попытки модернизации своей стратегии в данном направлении, исходя из необходимости стабилизации ситуации в Афганистане и государствах Центральной Азии. Этот подход вписывается в политический курс ЕС по стремлению занять ключевые позиции в регионе и изменить в свою пользу баланс потенциальных геополитических соперников.

Модернизация стратегии Европейского союза на центральноазиатском направлении осуществляется при сохранении преемственности по отношению к принятому Европейским союзом в мая 2019 г. документу «Европейский союз – Центральная Азия: новые возможности для партнёрства» [31]. Прежде всего это касается значения Центральной Азии для Евросоюза как стратегического региона с богатым ресурсным потенциалом и не задействованными ранее в европейской экономике рынками сбыта. Особое внимание в этой стратегии

уделяется поощрению региональной взаимосвязанности Афганистана с остальным регионом Центральной Азии, поскольку и страны региона, и ЕС имеют общую заинтересованность в поддержании безопасности и стабильности в Центральной Азии. В документе также отдельно ставится задача интеграции Афганистана в политический диалог между ЕС и Центральной Азией и в современные региональные программы Европейского союза. В контексте интеграции приоритетным является переход к трёхстороннему сотрудничеству по линии ЕС – Центральная Азия – Афганистан.

Всё более значимым составным элементом партнёрства ЕС с Центральной Азией становится стратегия устойчивой взаимосвязанности Европы и Азии на принципах свободного рынка (рыночной экономики), международных стандартах и прозрачных интеграционных мерах. В фокусе ЕС находится сотрудничество в сфере транспорта (расширения на Центральную Азию транспортной европейской сети TEN-T), торговли энергоносителями, информационно-коммуникационные технологии и сфера образования. Для реализации проектов по данным направлениям ЕС готов оказать техническое содействие государствам Центральной Азии в планировании и создании необходимой инфраструктуры с учётом международных стандартов.

Анализируя политический курс ЕС в регионе Центральной Азии можно прийти к выводу, что данная стратегия основывается, в первую очередь, на цели недопущения дестабилизации региона и повышения устойчивости государств Центральной Азии к внутренним и внешним угрозам безопасности, предотвращая, таким образом, усиление существующего на данный момент geopolитического соперничества других держав за политическое и экономическое доминирование в регионе, что можно связать с опытом дестабилизации региона из-за афганского кризиса во время военной операции в Афганистане.

На это, в частности, указывает проведённая по инициативе ЕС в Душанбе 17-я встреча ЕС – Центральная Азия в ноябре 2021 г., в которой приняли участие верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике

безопасности Ж. Боррель и представители Министерств иностранных дел государств Центральной Азии. Как представляется, этот форум должен был продемонстрировать партнёрам, что основные положения стратегии ЕС, связанные с региональной взаимосвязанностью, продолжением финансируемых им программ экономического и технического содействия государствам региона Центральной Азии остаются в силе [25].

Судя по итоговому заявлению встречи, фокус внимания ЕС на нынешнем этапе всё более смещается в сторону координации совместных со странами Центральной Азии мер реагирования на потенциальные кризисные ситуации в Афганистане. В частности, зафиксирована общая озабоченность в связи с региональными последствиями событий в Афганистане, подчёркнута решимость не допустить использования территории Афганистана для размещения и финансирования террористических организаций, их экспансии в другие страны региона. В сфере совместных мер реагирования и сотрудничества были включены приоритетные вопросы, такие как координация гуманитарной помощи населению Афганистана, предотвращение незаконной миграции и торговли людьми [25].

Мотивация ЕС по стремлению к предотвращению кризисной ситуации в Афганистане вызвана, прежде всего, негативным влиянием любых экономических и социальных потрясений на активное подключение сменившегося правительства Афганистана к эффективному сотрудничеству по трём принципиальным для ЕС вопросам – это противодействие деятельности террористических организаций, наркоторговле и предотвращению потока нелегальных мигрантов, в первую очередь, в страны Центральной Азии, также как и в страны Европейского союза, где в настоящий момент всё ещё не ликвидированы последствия миграционного кризиса после неконтролируемого притока беженцев в страны Европейского союза из Сирии и Ирака.

Ещё одной потенциальной опасностью для ЕС (равно как и для мировой общественности, и в первую очередь – стран Центральной Азии) является опасность возобновления крупномасштабного производства опиатов и

наркоторговли из Афганистана на фоне почти полного разрушения крупной производственной инфраструктуры и растущей безработицы среди афганского населения.

Для Китая, очевидно, проводимая ЕС региональная политика в Центральной Азии контрпродуктивна, так как меры ЕС по уменьшению геополитического соперничества и доминирования одного из государств в регионе противоречит устремлениям Китая на роль региональной державы, и, следовательно, противоречит национальным интересам КНР.

2.2 Геополитическое значение афгано-китайских отношений: перспективы и вызовы развития международного сотрудничества между Афганистаном и КНР в Центральной Азии.

Геополитическую ситуацию в Афганистане после установления контроля над его территорией «Талибаном» (запрещено в РФ) остаётся малопредсказуемой, поэтому вопросы влияния афганского фактора на сферу региональной безопасности и дальнейшую стратегию Китая на афганском направлении можно рассматривать только в виде прогнозных сценариев с учётом текущего состояния афгано-китайских отношений.

Политики, которые представляли катарский Политический офис движения «Талибан» (запрещено в РФ), на различных этапах переговоров и политических консультаций заверяли об отсутствии намерений нарушать границы государств Средней Азии [14]. Этой же позиции представители движения «Талибан» придерживались и после вывода военного контингента США из Афганистана. Однако, вне зависимости от планов лидеров «Талибана», по-прежнему сохраняются факторы, способные подорвать развитие других государств Центральной Азии и создать угрозы афгано-китайскому сотрудничеству.

Обеспокоенность вызывает возможность возобновление боевых действий в Афганистане и их дальнейшая эскалация в граничащих с другими странами

региона провинций Афганистана, преимущественно – в северных, отличающихся по своему этническому составу.

Уже в августе 2021 г. в Панджшерской долине (провинции Афганистана) Ахмад-шах Массуд заявил о создании Фронта национального сопротивления, который поддержал Амрулла Салех, до смены правительства в Афганистане занимавший пост вице-президента в администрации президента Ашрафа Гани [30]. Также к Фронту национального сопротивления примкнули отдельные подразделения уже расформированной афганской армии и правоохранительных органов. Как и в период действия «Северного Альянса» в 1996-2001 гг., к Фронту национального сопротивления могут также примкнуть этнические группировки настроенных проирански хазарейцев, которые на протяжении долгого времени враждовали с Талибаном.

Этнические противоречия, политические репрессии против членов оппозиции «Талибана» (запрещено в РФ) и возможность возобновления полноценных боевых действий ставит под угрозу не только гражданское население северных провинций Афганистана, но и вызывает некоторые трудности перед Таджикистаном и Узбекистаном, которым трудно будет самоустраниться от поддержки родственных этносов (около 3 млн. этнических узбеков, проживающих в Афганистане, и около 12 млн. этнических таджиков, являющихся второй по численности этнической группой в Афганистане) в случае возникновения внутреннего вооружённого конфликта. Также угрозу как для Афганистана, так и для афгано-китайских отношений представляют попытки поддержки США Фронта национального сопротивления под эгидой поддержки свободы и демократии в Афганистане [38] – очевидно, истинная цель данных мер со стороны США связана с попытками опосредованно вернуть утраченное влияние в регионе Центральной Азии путём поддержки оппозиционных сил в Афганистане – что, в некотором роде, является типичной чертой внешней политики США.

Возобновление боевых действий в Афганистане неизменно повлечёт за собой ещё одну угрозу для международной стабильности в регионе – это

миграционный кризис, который повлечет за собой снижение темпов развития экономики в граничащих с Афганистаном государств. Помимо экономического фактора, потоки беженцев откроют новые возможности для террористических организаций, действующих на территории Афганистана и региона – террористы под видом беженцев смогут с меньшими усилиями проникнуть в соседние страны для организации террористической деятельности.

Ещё один комплекс угроз для региона представляет нелегальный оборот оружия и наркотиков, что является практически традиционным источником дохода для террористических группировок. Пострадавшая за годы военной операции производственная инфраструктура в Афганистане, фактически, не оставляет альтернатив для процветания наркобизнеса. Своеобразный «вклад» в незаконную торговлю оружием внесли и США после вывода вооружённого контингента с территории Афганистана, оставив в стране (следственно, движению «Талибан») огромные запасы вооружения и военной техники на сумму свыше 85 млрд. долларов США – данная сумма вдвое превышает оборонный бюджет Российской Федерации на 2021 г. [52] и в тысячу раз превышает годовые военные расходы Таджикистана [46]. Несомненно, что данные запасы вооружения и техники в разы увеличат незаконный оборот оружия в регионе, равно как и многократно улучшат оснащение террористических группировок, имеющих контакты с «Талибаном». Для афгано-китайских отношений данные факторы также несут значительную угрозу – как нелегальная торговля наркотиками, так и незаконный оборот оружия имеют потенциал усилить движение «Исламское движение Восточного Туркестана» (запрещено в РФ), боевики которого проводят террористическую деятельность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), входящем в состав Китая. В контексте афгано-китайских улучшение материального обеспечения сепаратистского «Исламского движения Восточного Туркестана» (запрещено в РФ) и возросшая в связи с этим вероятность террористических актов в СУАР способно не только дискредитировать движение «Талибан» (запрещено в РФ), которые ранее, по требованию КНР, передислоцировали

боевиков «Исламского движения Восточного Туркестана» (запрещено в РФ) из района вблизи границы между Афганистаном и Китаем, а также произвели разрыв всяческих контактов с данным движением – опять же, по требованию КНР [3]. Такие радикальные требования со стороны КНР можно объяснить тем, что развитие сепаратистского движения «Исламское движение Восточного Туркестана» и увеличение масштабов его экстремистской деятельности не только несёт угрозу безопасности региона Центральной Азии, в котором Китай позиционирует себя как гарант международной безопасности, но и напрямую угрожает территориальной деятельности КНР в случае захвата власти в Синьцзян-Уйгурском автономном регионе сепаратистами. Для «Талибана» (запрещено в РФ) же данное требование являлось возможностью по улучшению своего международного имиджа, в первую очередь – в контексте афгано-китайского межгосударственного сотрудничества. Выполнение данного требования со стороны Китая позволили «Талибану» (запрещено в РФ) развеять опасения Китая по поводу безопасности Синьцзян-Уйгурского автономного региона.

Угрожает региональной безопасности и перспектива экспансии радикального ислама за пределы Афганистана и развитие международного терроризма. На сегодняшний день, по данным ООН [51], в различных провинциях Афганистана находится большое число боевиков международных террористических формирований: «Аль-Каиды» (запрещено в РФ), «Исламского государства» (запрещено в РФ), «Исламского движения Узбекистана» (запрещено в РФ), «Исламского государства Хорасан» (запрещено в РФ) и др.

В отличие от «Талибана» (запрещено в РФ), «Исламское государство» (запрещено в РФ) и ИГ-Хорасан (запрещено в РФ) при наборе боевиков в свои ряды не обладают критериями по этнической либо национальной принадлежности, позиционируя себя как транснациональные организации. Поэтому возможности данных террористических организаций по привлечению в свои ряды представителей различных этнических групп куда шире, чем у

локальных террористических группировок, действующих на территории Афганистана. Борьба с транснациональным терроризмом, таким образом, является ещё одним мотивом для развития афгано-китайских отношений. Однако транснациональный терроризм, вместе с тем, является особым фактором угрозы афгано-китайским отношениям из-за возможности содействия данных террористических организаций уйгурским сепаратистам, действующим в пограничном с Афганистаном регионе Китая.

Говоря о перспективах в геополитическом значении развития афгано-китайских отношений, можно обратиться к работе кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института Востоковедения Российской Академии Наук Даурова Рамазана Джагафаровича «Китайско-пакистанский экономический коридор и фактор нестабильности Афганистана» [46]. В данной научной работе рассматривается перспектива открытия Китаев трансевроазиатского логистического маршрута в рамках проекта инициативы «Один пояс – один путь», в частности – образование китайско-пакистанского экономического коридора с включением Афганистана в данный проект и роль политической обстановки в Афганистане в качестве определяющего фактора реализации включённых в инициативу китайско-пакистанского коридора энергетических и транспортных проектов. Р.Д. Дауров принимает во внимание дестабилизирующее действие Афганистана на реализацию инвестиционных проектов Китая ввиду факторов, которые были упомянуты ранее, и отмечает, что и стабильность в самом Пакистане можно считать относительной. Принимая во внимание данные из научной работы Р.Д. Даурова и текущий вектор развития афгано-китайских отношений, содержащий в себе деятельность КНР по обеспечению как региональной безопасности, так и внутренней безопасности Афганистана, можно прийти к выводу, что развитие афгано-китайских отношений в геополитическом плане имеет потенциал к развитию системы безопасности в регионе Центральной Азии с Китаем в качестве фундаментального элемента, а также потенциал к интенсификации международной торговли в случае успешной реализации инвестиционных и

интеграционных проектов Китая.. Однако, Р.В. Дауров в своей научной работе рассматривает преимущественно экономический фактор геополитического влияния.

Экономический фактор взаимодействия Афганистана и Китая, и, соответственно, геополитическое значение их развития основывается, в основном, на установлении благоприятной среды для китайских инвестиций, и, как упоминалось ранее, дестабилизация в Афганистане может не только привести к инвестиционным убыткам, но и подорвать широкомасштабные цели Китая в регионе – таких как реализация ранее упомянутого «Китайско-пакистанского экономического коридора», целей проекта инициативы «Один пояс – один путь». Сохранность китайских инвестиций в Афганистане также предполагает заинтересованность Китая в нераспространении нестабильности за пределы Афганистана и противодействие террористическим организациям – что наглядно показывает гармонизация военно-политических стратегий России и Китая.

Стоит также сказать о геополитических перспективах развития афгано-китайских отношений в военно-политическом плане. Помимо стратегического сотрудничества с Россией, Китай активно продвигает альтернативные форматы сотрудничества, предусматривающие двусторонние и многосторонние (без РФ) взаимодействия. Таким стал, например, созданный в 2016 году «Четырёхсторонний механизм по сотрудничеству и координации» (ЧМСК) в составе Афганистана, Китая, Пакистана и Таджикистана с целью «объединения усилий по борьбе с терроризмом и дальнейшего сотрудничества в области безопасности» [32]. Также с 2020 г. Китай запустил новый диалоговый формат «Центральная Азия + Китай» (C+C5) – встречи министров иностранных дел пяти стран Центральной Азии с представителем Министерства иностранных дел Китая для разработки совместных мер по политическому урегулированию в Афганистане [35]. Данные платформы для сотрудничества, пусть и не без обозначения неофициального соперничества Китая и России на афганском направлении, обеспечивают некоторую буферную зону для России, повышая её

стратегическую безопасность от возможных угроз с центральноазиатского направления. Также, укрепление стратегических позиций Китая в Афганистане и Центральной Азии хоть и не даёт потенциала для стратегического развития присутствия России в Афганистане, но, вместе с тем, не даёт получить стратегическое влияние политическим оппонентам России и Китая – каким, например, обладало США до вывода своего вооружённого контингента из Афганистана. Также, военно-политические межгосударственные объединения, создание которых инициировал Китай, служат некоторым буфером безопасности как для государств Центральной Азии, которые сохраняют нейтралитет в плане участия в межгосударственных объединениях международной и региональной безопасности (Туркменистан, Узбекистан), так и для России.

Также, активное продвижение Китаем мер реализации проекта инициативы «Один пояс – один путь» может в дальнейшем привести к конфликту интересов России и Китая в регионе Центральной Азии: проект данной инициативы предполагает строительство нефтепровода и газопровода, проходящего через ряд стран Центральной Азии для транзита энергоресурсов из стран Ближнего Востока. Появление такой транспортной инфраструктуры в регионе Центральной Азии может создать конкуренцию на рынке энергетических ресурсов между Китаем и Россией, для которой торговля энергоносителями является одной из основных статей экспорта.

В целом же переговоры, которые на сегодняшний день ведёт «Талибан» с Китаем (равно как и с Россией) могут свидетельствовать о стремлении «Талибана» сформировать имидж надёжного и респектабельного партнёра по переговорам для обеспечения, во-первых, международного признания «Талибана» и исключения из числа террористических организаций, и, во-вторых, для обеспечения большего числа иностранных инвестиций в Афганистане. В геополитическом же плане продвижение стратегических интересов Китая в рамках афгано-китайских отношений пусть и частично, но уменьшает конфликтный потенциал региона. Активная инвестиционная

политика Китая в страны Центральной Азии же, вместе с увеличением экономической мощи Китая за счёт расширения рынков сбыта и ресурсных баз Китая для импорта сырья, позволяет и странам региона увеличить свои экономические показатели, что особенно привлекательно для Афганистана, не имеющего значительных производственных мощностей и формируя государственный бюджет, в основном, за счёт экспорта полезных ископаемых.

В итоге, несмотря на высокую динамику развития афгано-китайских отношений, и Афганистан, и регион Центральной Азии в целом остаются точками столкновения геополитических, стратегических и национальных интересов многих государств, обладающих широкими политическими, военными и экономическими потенциалами. Конфронтация государств из-за конфликта интересов, прямая или косвенная, на данном этапе может привести к дестабилизации всего региона Центральной Азии по причинам, перечисленным выше. Для Афганистана же потенциальная переориентация курса внешней политики с Китая, который, на данный момент, является крупнейшим экономическим и политическим партнёром Афганистана, на межгосударственное сотрудничество с другим крупным мировым актором неприемлемо по этим же причинам – Китай, закономерно, предпримет попытки вернуть утраченное влияние в регионе Центральной Азии с целью защиты своих национальных интересов, как это сейчас делает США, что неизбежно приведёт к новому конфликту интересов и дестабилизации всего региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе был проведен анализ современного состояния афгано-китайских отношений для определения текущего политического курса Китая в Афганистане и регионе Центральной Азии в целом.

Для успешного проведения исследования необходимо было изучить особенности политики Китая на афганском направлении, историю двусторонних отношений Афганистана и Китая, нормативно-правовую базу межгосударственного взаимодействия, фактор влияния третьих стран на афгано-китайские отношения и перспективы развития афгано-китайского межгосударственного взаимодействия наравне с геополитическим значением данных межгосударственных отношений.

Становление и развитие дипломатических связей между Китаем и Афганистаном можно условно разделить на три этапа:

- Первым этапом можно считать период с образования Китайской Народной Республики и до начала международной военной операции в Афганистане в 2001 г. Данный период примечателен принятием основных международных нормативно-правовых актов, определивших дальнейшее развитие международных связей между Китаем и Афганистаном.
- Вторым этапом можно назвать период присутствия США в Афганистане. Тогда как США в тот период оставались основной политической силой в регионе Центральной Азии за счёт внушительного военного контингента, расположенного в Афганистане. Тем не менее, уже на этом этапе Китай начал предоставление Афганистану финансовой помощи и инициировал заключение двусторонних международных договоров о техническом сотрудничестве.
- Наконец, начало третьего этапа можно обозначить выводом вооружённого контингента США с территории Афганистана и

приходом к власти в Афганистане движения «Талибан» (запрещено в РФ) в 2021 г. Именно на этом этапе Китай начал активную переговорную деятельность с лидерами талибов, инвестирование в экономику Афганистана и попытки региональной интеграции Афганистана.

Поддержка Афганистана правительством Китая до 2021 г., предоставление экономической помощи и готовность к сотрудничеству с движением «Талибан» (запрещено в РФ) отражает заинтересованность Китая в построении устойчивой платформы международного сотрудничества с Афганистаном для реализации своих национальных интересов в регионе Центральной Азии. Об этом же говорит готовность Китая к посредничеству в региональных и глобальных международных организациях для противодействия возникновению нестабильности в регионе и заключение двусторонних соглашений по содействию экономике Афганистана.

Основным приоритетом в афгано-китайском взаимодействии был определен экономический аспект межгосударственного сотрудничества между КНР и Афганистаном, а именно реализация проекта инициативы «Один пояс – один путь» для образования эффективной транспортной инфраструктуры в регионе Центральной Азии и создания благоприятного инвестиционного климата в Афганистане, что откроет дальнейшие перспективы как для стабилизации экономики Афганистана, так и для интенсификации экономического взаимодействия между государствами региона Центральной Азии.

Ещё одним приоритетным направлением китайской политики в Афганистане является противодействие политической дестабилизации в Афганистане и обеспечение стратегической безопасности в регионе Центральной Азии в целом – в частности, это обеспечение военно-политического присутствия Китая в регионе путём создания по инициативе Китая площадок для международного взаимодействия по вопросам

региональной безопасности, таких как «Четырёхсторонний механизм по сотрудничеству и координации» и «Центральная Азия + Китай».

Что касается факторов влияния третьих стран на афгано-китайские межгосударственные отношения, то для Китая ставится задача по защите своих национальных интересов в Афганистане и регионе в целом – так как, помимо Китая, в реализации своей региональной политики заинтересованы также США, Россия, Турция, Индия, Иран, Пакистан и другие государства. И если с Россией и Пакистаном Китаю удаётся достигнуть определённой гармонизации региональной политики, то с рядом других стран у Китая возникают противоречия для продвижения своих национальных интересов – что обосновывается, в основном, стремлением США вернуть утраченные позиции в Афганистане и ограничить присутствие Китая в регионе.

Геополитическое значение афгано-китайских отношений обозначается угрозой для безопасности региона в случае политической и военной дестабилизации в Афганистане. Деятельность террористических организаций, проходящий через Афганистан трафик наркотиков и угроза миграционного кризиса в Центральной Азии в случае возобновления боевых действий в Афганистане представляют угрозу для международной безопасности в регионе Центральной Азии, в котором Китай, наравне с Россией, позиционирует себя в качестве гаранта безопасности. При этом обеспечение безопасности в Афганистане и регионе Центральной Азии открывает перед Китаем несколько перспективных направлений – это возможность укрепить своё военно-политическое положение в регионе и стимулировать процессы региональной интеграции путём образования упомянутых ранее платформ для двустороннего и многостороннего межгосударственного взаимодействия.

Для Афганистана же заинтересованность в развитии межгосударственного взаимодействия с Китаем обосновывается, в первую очередь, экономическим аспектом сотрудничества – привлечении инвестиций и получении финансовой помощи для восстановления государственной и

производственной инфраструктуры Афганистана, значительно понесшей урон за время военной операции в Афганистане.

Подводя итоги, можно сказать, что, во-первых, двусторонние отношения Афганистана и Китая довольно точно отражают общий курс внешней политики КНР в Центральной Азии, то есть получение влияния путём экономической и политической интеграции за счёт инвестиций в экономику государств региона. Во-вторых, данные межгосударственные отношения на современном этапе имеют большой потенциал в случае, если текущее правительство Афганистана зарекомендует себя в качестве респектабельного и надёжного международного партнёра и успехов Афганистана в региональной и глобальной интеграции – реализация китайского интеграционного проекта инициативы «Один пояс – один путь» позволит привлечь ещё большее количество иностранных инвестиций в страну и заложит основы для интенсификации международной торговли в Афганистане, а признание движения «Талибан» (запрещено в РФ) мировой общественностью в качестве легитимного правительства Афганистана откроет новые возможности для политического взаимодействия как с государствами региона Центральной Азии, так и на глобальном уровне.

На данном этапе сотрудничества Китай по-прежнему является как важнейшим экономическим партнером Афганистана, так и гарантом безопасности в регионе наравне с Россией. При этом взаимодействие происходит как в двустороннем формате, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества, что обеспечивает положительную и равномерную динамику развития политического диалога Афганистана с Китаем и остальными странами региона. Однако текущая модель межгосударственного взаимодействия не лишена недостатков – в частности, это отсутствие культурных и конфессиональных связей Китая с Афганистаном, и, следовательно, преобладающий экономический аспект межгосударственного сотрудничества, что, потенциально, может негативно сказаться на долговременном афгано-китайском сотрудничестве в силу отсутствия идеологических, национальных либо конфессиональных точек

соприкосновения КНР и Афганистана. Также, Афганистану, даже при содействии КНР, ещё предстоит обеспечить внутреннюю государственную безопасность и минимизацию рисков возникновения государственной, и, следовательно, региональной нестабильности для того, чтобы обеспечить дальнейшее развитие афгано-китайских межгосударственных связей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Афганистан: Декларация о добрососедских отношениях // Организация Объединённых наций : официальный сайт. – 2002. – URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_021222_AfghanistanGoodNeighbourlyRelationsDeclaration%28ru%29.pdf (дата обращения: 20.05.2022)
2. Афганский фронт сопротивления зарегистрировался в США для ведения лоббистской деятельности // ТАСС : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12784999> (дата обращения: 17.05.2022)
3. Влияние Пекина на Кабул: «Талибан» (запрещено в РФ) убрал уйгурских боевиков с афгано-китайской границы // KNews : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://knews.kg/2021/10/08/vliyanie-pekina-na-kabul-taliban-ubral-ujgurskih-boevikov-s-afgano-kitajskoj-granitsy/>
4. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром внешнеэкономических связей и иностранных дел Венгрии П. Сиярто // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. – 2021. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1774319/ (дата обращения: 20.05.2022)
5. Гурьев А.А. Турция расширяет своё присутствие в Афганистане / А.А. Гурьев // Институт Ближнего Востока – 2005. – URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/09-04-05.htm> (дата обращения: 21.05.2022)
6. Дауров Р.Д. Китайско-пакистанский экономический коридор и фактор нестабильности Афганистана/ Р.Д. Дауров, И.В. Шашков // «Восточная Аналитика». 2019. – №1. – С. 72-75.
7. Договор о границе между Китайской Народной Республикой и Королевством Афганистан // Министерство иностранных дел КНР : официальный сайт. – 1963. – URL: <https://www.fmprc.gov.cn/chn//pds/ziliaotytj/tyfg/t5466.htm> (дата обращения:

20.05.2022)

8. КНР проведет в 2022 году министерскую конференцию соседей Афганистана. // ТАСС : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12956261> (дата обращения: 18.05.2022)

9. Коновалов В.Н. Словарь по политологии / В. Н. Коновалов // Ростов-на Дону : РГУ. – 2001. – 292 с.

10. Маринченко, А.В. Геополитика: Учеб. пособие. — Москва : ИНФРА-М, 2009. — 429 с.

11. Молчанов М.А. Дискуссионные проблемы понятия «национальный интерес» / М.А. Молчанов // «Полис». 2000. – №1. – С. 7-22.

12. Моргентау Г. Реалистическая теория международной политики / Г. Моргентау // Нижний Новгород : ННГУ. – 2001. – с. 268.

13. Новая «Большая игра»: как приход Китая в Афганистан затронет интересы США и России // Russia Today : официальный сайт. – 2017. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/464907-kitai-vliyanie-afganistan-ssha-rossiya> (дата обращения: 20.05.2022)

14. О консультациях с делегацией Движения талибов // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. – 2021. – URL: https://www.mid.ru/sk/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cknonkje02bw/content/id/4810299/ (дата обращения: 20.05.2022)

15. Панкратенко И. Исламская Республика Иран – империя и сеть / И. Панкратенко // Центр стратегической конъюнктуры : официальный сайт. – 2012. – URL: http://conjunction.ru/pankratenko_26-06-2012_iran_geostategy/ (дата обращения: 20.05.2022)

16. Паршина Т.Н. Становление Индии как региональной державы / Паршина Т.Н. // Журнал «Обозреватель – Observer» – 2013. – №9. – С. 88-97

17. Пасс А. Понятия и категории геополитики / А. Пасс // Вестник Челябинского государственного университета. – 2003. – 312-326 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-i-kategorii-geopolitiki>

18. Политология: краткий словарь политологических терминов /

Духина Т.Н., Болотова Т.П. // Справочное пособие для студентов всех факультетов. — Ставрополь: СтГАУ, 2010. — 24 с.

19. СМИ: на границе Индии и Китая произошла стычка между военнослужащими двух стран // ТАСС : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12610133> (дата обращения : 21.05.2022)

20. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики к двадцатилетию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент РФ : официальный сайт. – 2021. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hkwONx0FSpUGgXPaRU3xUHRmkRneSXIR.pdf> (дата обращения: 20.05.2022)

21. Турция отправит в Афганистан 700 тонн гуманитарной помощи // Газета.ru : официальный сайт. – 2022. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/01/19/17165059.shtml?updated> (дата обращения: 18.05.2022)

22. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. №400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России : официальный сайт. – 2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 20.05.2022)

23. Челлен Р. Государство как форма жизни / Рудольф Челлен; [пер. с швед, и примеч. М. А. Исаева; предисл. и примеч. М. В. Ильина]. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 319 с.

24. Эксперт: ШОС позволит вовлечь Афганистан в проекты инициативы «Пояса и пути» // ТАСС : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/12634671> (дата обращения: 16.05.2022)

25. 17-я встреча министров иностранных дел ЕС – Центральная Азия // The Diplomatic Service of the European Union : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://www.eeas.europa.eu/eeas/17-я-встреча-министров-иностранных-дел>

26. A National Security Strategy for a global age // Office of the Secretary of Defence : официальный сайт. – 2000. – URL:

<https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2000.pdf?ver=vuu1vGIkFV1HusDPL21Aw%3d%3d>

27. A National Security Strategy of the United States of America // Office of the Secretary of Defence : официальный сайт. – 2017. – URL:
<https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2017.pdf?ver=CnFwURrw09pJ0q5EogFpwg%3d%3d> (дата обращения: 18.05.2022)

28. Afghanistan crisis: Afghans wake up to a new world as Taliban take Kabul // BBC News : официальный сайт. – 2021. – URL:
<https://www.bbc.com/news/live/world-asia-58219963> (дата обращения: 23.05.2022)

29. Afghanistan-People's Republic of China Agreement on Economic and Technical Cooperation // Cambridge University Press&Assessment : официальный сайт. – 2017. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-legal-materials/article/abs/afghanistanpeoples-republic-of-china-agreement-on-economic-and-technical-cooperation/815A83513CC914CD164FF4373150E5C9> (дата обращения: 20.05.2022)

30. As Taliban takes over, one Afghan province is still standing strong – Here's the story of Ahmad Shah Massoud and his bastion Panjshir // Free Press Journal : официальный сайт. – 2021. – URL:
<https://www.freepressjournal.in/world/as-taliban-takes-over-one-afghan-province-is-still-standing-strong-heres-the-story-of-ahmad-shah-massoud-and-his-bastion-panjshir> (дата обращения: 22.05.2022)

31. Central Asia: Council adopts a new EU strategy for the region // Council of the European Union : официальный сайт. – 2019. – URL:
<https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/06/17/central-asia-council-adopts-a-new-eu-strategy-for-the-region/>

32. China joins Afghanistan, Pakistan, Tajikistan in security alliance // Reuters : официальный сайт. – 2016. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-asia-alliance-idUSKBN13L0JU>

china-security-idUSKCN10F1A6 (дата обращения: 19.05.2022)

33. China respects Afghanistan's 'sovereignty, independence and territorial integrity' after formation of Taliban govt. - spokesman // Russia Today : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://www.rt.com/news/534222-afghanistan-independence-taliban-china/> (дата обращения: 20.05.2022)

34. China's Peacemaking Between Pakistan and Afghanistan / Sudha Ramachandran// The Central Asia-Caucasus ANALYST : официальный сайт. – 2017. – URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13468-chinas-peacemaking-between-pakistan-and-afghanistan.html> (дата обращения: 23.05.2022)

35. China+Central Asia (C+C5) Meeting // Warsaw Institute : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://warsawinstitute.org/chinacentral-asia-cc5-meeting/>

36. D. G. Dutt. China and the Developments in Afghanistan // D. G. Dutt / Jawaharlal Nehru University : New Dehli. – 1981. – c. 175.

37. Debate: India Faces Jointmanship From China and Pakistan, Not Two Fronts // The Wire : официальный сайт. – 2020. – URL: <https://thewire.in/south-asia/debate-india-faces-jointmanship-from-china-and-pakistan-not-two-fronts> (дата обращения: 19.05.2022)

38. Enduring Strategic Partnership Agreement between The United States of America and The Islamic Republic of Afghanistan // United States Department of State : официальный сайт. – 2012. – URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/203023.pdf> (дата обращения: 22.05.2022)

39. Ganging up against China, Russia a nightmare trip for US, West: Global Times editorial // Global Times : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202105/1222713.shtml> (дата обращения: 20.05.2022)

40. Guiding Principles and Objectives // Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan. 1973. – URL: <https://mofa.gov.pk/guiding-principles-and-objectives/> (дата обращения: 20.05.2022)

41. India announces new category of visa for Afghans // Mintlounge : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://lifestyle.livemint.com/news/talking-point/india-announces-new-category-of-visa-for-afghans-111629171270998.html> (дата обращения: 18.05.2022)

42. India sends life-saving medicines to Afghanistan in aid // Hindustan Times : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/india-sends-life-saving-medicines-to-afghanistan-in-aid-> (дата обращения: 21.05.2022)

43. Indian evacuates 170 people from Afghanistan including ambassador // Reuters : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://www.reuters.com/world/india/indian-embassy-officials-including-ambassador-evacuating-kabul-2021-08-17/> (дата обращения: 22.05.2022)

44. Is China bringing Peace to Afghanistan? // Sudha Ramachandran// The Diplomat : официальный сайт. – 2018. – URL: <https://thediplomat.com/2018/06/is-china-bringing-peace-to-afghanistan/> (дата обращения: 20.05.2022)

45. Shen-Yu Dai. China and Afghanistan / Shen-Yu Dai // The China Quarterly. – 2009. – №25. – P. 213-221.

46. Tajikistan Military Expenditure // Trading Economics : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://tradingeconomics.com/tajikistan/military-expenditure#:~:text=Military%20Expenditure%20in%20Tajikistan%20is,according%20to%20our%20econometric%20models>

47. The 20-Year National Vision of the Islamic Republic of Iran for the dawn of the Solar Calendar Year 1404 [2025 C.E.] / Iran Data Portal : официальный сайт. – 2005. – URL: <https://irandataportal.syr.edu/20-year-national-vision> (дата обращения: 20.05.2022)

48. The last US military planes have left Afghanistan, marking the end of the United States' longest war // CNN : официальный сайт. – 2021. – URL: <https://edition.cnn.com/2021/08/30/politics/us-military-withdraws-afghanistan/index.html> (дата обращения: 20.05.2022)

49. Tiffany P. Ng. China's Role in Shaping the Future of Afghanistan /

Tiffany P. Ng // Carnegie Policy Outlook – 2010 – URL:
https://carnegieendowment.org/files/china_role_afghanistan.pdf (дата обращения: 19.05.2022)

50. Turkey Calls for Recognition of the Taliban's Islamic State // The Washington Institute of Near East Policy : официальный сайт. – 2022. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/turkey-calls-recognition-talibans-islamic-emirate> (дата обращения: 20.05.2022)

51. Twelfth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team Submitted Pursuant to Resolution 2557 Concerning the Taliban and Other Associated Individuals and Entities Consulting a Threat to the Peace Stability and Security of Afghanistan // Организация Объединённых Наций : официальный сайт. —2021. – URL: https://www.ecoi.net/en/file/local/2053487/S_2021_486_E.pdf (дата обращения :23.05.2022)

52. World military expenditure passes \$2 trillion for first time // Stockholm International Peace Research Institute : официальный сайт. – 2022. – URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2022/world-military-expenditure-passes-2-trillion-first-time#:~:text=Russia%20increased%20its%20military%20expenditure,cent%20of%20GDP%20in%202021>

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Сидорова Т.Ю. подпись инициалы, фамилия
«2» 06 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Политика Китая в Центральной Азии в XXI веке (на примере Афганистана)

Руководитель

Мороз 01.06.22

профессор, д.и.н

Е.В. Мороз

подпись, дата

инициалы, фамилия

Выпускник

01.06.2022

подпись, дата

Д.Н. Романов

инициалы, фамилия